

Южные бунтари и «Чигиринский заговор»

Юрий Пелевин

Кружок южных «бунтарей» сложился зимой 1874–1875 гг. из киевских народников-бакунистов, членов «Киевской коммуны» и экстремистски настроенных участников «хождения в народ» на юге Российской империи. «Бунтари» предприняли во второй половине 1870-х гг. попытку поднять на восстание крестьян в Чигиринском уезде Киевской губернии. «Во имя передела земли, – уверял лидер “бунтарей” В.К. Дебагорий-Мокриевич, – мы надеемся вызвать местное восстание и охватить весь народ, так как стремление это было общенародное»¹. В состав кружка входило около 20 человек: Дебагорий-Мокриевич, Я.В. Стефанович, Н.К. Бух, М.П. Ковалевская, М.А. Коленкина, И.В. Бохановский, Л.Г. Дейч, И.Б. Аксельрод, И.В. Дробязгин, В.И. Засулич, В.Ф. Костюрин, А.М. Макаревич, В.А. Малинка, М.Ф. Фроленко, С.Ф. Чубаров, Ф. Курицын и другие². Наиболее последовательные приверженцы теорий М.А. Бакунина, они ожидали от своего бунтарского начинания «на почве ближайших народных требований» обильных революционных плодов³.

Южные «бунтари» не придавали значения ни «оседлой», ни «летучей» пропаганде. «Мы жили по деревням, – вспоминал Дебагорий-Мокриевич, – и даже не знакомились с крестьянами. В интересах конспирации “бунтарь”, при встречах с крестьянами, отделялся общими фразами, так как смотрел на всякую пропаганду, как на совершенно бесполезную трату времени и, потому, не желал попусту чесать языка»⁴. Ибо, как безапелляционно утверждал Бакунин, идеолог анархизма и разрушения, крестьянство давно готово к революции, свержению царизма и установлению общинного социализма, поскольку русский мужик всегда был «социалистом по инстинкту и революционером по природе»⁵. Задача же радикальной интеллигенции состояла не в пропаганде среди крестьян, а в том, чтобы пропустить между ними «живой ток революционной мысли, воли и дела»⁶, помочь мужикам выплеснуть накопившуюся энергию бунта. «Народ наш явным образом нуждается в помощи, – поучал Бакунин. – Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню»⁷. «Никакой пропаганды в деревне не требуется, – утверждали вслед за своим

© 2014 г. Ю.А. Пелевин

¹ Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. Изд. 3. СПб. Б.г. С. 203.

² Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х М., 1928. С. 78; Дебагорий-Мокриевич В.К. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 62; он же. Воспоминания. С. 201, 218; Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928. С. 115; Дейч Л. За полвека. Т. 1. Ч. 1. М., 1922. С. 148–179.

³ Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 258.

⁴ Там же. С. 222–223.

⁵ Бакунин М.А. Речь на конгрессе Лиги мира и свободы в 1868 // Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. III. Пг.; М., 1920. С. 112.

⁶ Бакунин М.А. Прибавление «А» к книге «Государственность и анархия» // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. I. М.; Л., 1965. С. 53.

⁷ Там же.

учителем южные “бунтари”. – Мужик здесь и без того настроен революционно. Нужна лишь хорошая организация, которая смогла бы поддержать и развить начавшееся восстание, а оно возможно каждый момент, если не в одном, то в другом месте»⁸. «Бунтари» рассчитывали развить локальное выступление до всероссийской революции, способной уничтожить всякую государственность и установить социалистическое общежитие на основе «свободных федераций». Им казалось, что со дня на день в какой-либо деревне вспыхнет стихийное волнение, тогда они возглавят его, вовлекут в восстание уезд и подымут массовое движение по всем украинским губерниям⁹, а затем и по всей России. При этом даже неудачный бунт революционизирует сельских жителей и не будет бесполезным.

Отсюда вытекало стремление побуждать крестьян к активному протесту повсюду, где только представлялась малейшая возможность. «Главное для нас, – писал Лев Дейч, – являлось произвести бунт, восстание, а каким способом, благодаря каким приёмам, казалось нам, “бунтарям” совершенно несущественно, даже праздным вопросом»¹⁰. «Бунтари» вслед за своим идейным наставником повторяли: «Мы должны беспрестанно делать попытки восстания. Пусть нас разобьют один, два, наконец, десять, двадцать раз, но если на двадцать первый народ поддержит, и восстание сделается всеобщим, – жертвы окупятся»¹¹. Деревенские беспорядки рассматривались ими как необходимая школа, которую простой народ должен пройти, чтобы приобрести боевой революционный опыт. Но бакунисты вовсе не собирались ждать, пока повстанческое обучение пройдёт весь деревенский люд, полагая, что как только то или иное восстание окажется успешным, оно, как искра, воспламенит весь трудовой народ¹². В ожидании же этого нужно было собрать из числа экстремистской молодёжи вооружённый конный отряд, который в решительную минуту будет готов повести за собой восставшие массы. «Нам остаётся только, – считал Фроленко, – запастись оружием, расселиться по деревням и выжидать случая, увеличивая свои силы, подготавливаясь к выступлению. На основании таких выводов и была составлена новая программа действий»¹³. «Умственная жизнь в нашем кружке замерла, – отмечал Николай Бух. – О чём было спорить? Народ сознавал несправедливость существующего строя, допускающего эксплуатацию человека человеком. Рядом бунтов нужно приучить его бороться за свои идеалы <...> Программа была ясна, как хрусталь. В книжной премудрости нужды не было, “пусть занимаются ею лавристы”. Через год мы или ляжем костями или переселимся с уцелевшими товарищами в другое место для поднятия нового бунта. Нужно не болтать, а делать»¹⁴.

Письменных программных и уставных документов «бунтари» не составляли. «Как известно, – пояснял Дейч, – революционные деятели первой половины семидесятых годов на севере и в течение всего этого десятилетия – на юге, по принципу, из конспиративных соображений, на случай провала решительно воздерживались от всяких изложений на бумаге не только своих планов и органи-

⁸ Фроленко М.Ф. Движение 70-х годов // Фроленко М.Ф. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. М., 1931. С. 183.

⁹ Фроленко М.Ф. Из далёкого прошлого // Там же. С. 127.

¹⁰ Дейч Л. За полвека. Т. 1. Ч. 2. М., 1923. С. 22.

¹¹ Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 97.

¹² Дейч Л. Южные бунтари // Голос Минувшего. 1920–1921. [№ 1]. С. 70.

¹³ Фроленко М.Ф. Из далёкого прошлого. С. 127.

¹⁴ Бух Н.К. Указ. соч. С. 107–108.

зационных уставов, но даже общих, теоретических программ: со всем этим, – с задачами, стремлениями, взглядами, все неопиты знакомились, главным образом, путём бесед, из устных сообщений более старых деятелей, и лишь кое-что в этом отношении они могли вычитать из тогдашних подпольных, запретных, заграничных сочинений эмигрантов разных толков и направлений»¹⁵.

Дебагорий-Мокриевич и Стефанович, зачинатели повстанческого движения на юге, далеко не заглядывали: их интересовал, главным образом, революционный подход к делу и безоговорочная ему преданность. Стефанович заявлял, что «бунтари» должны быть готовы в начавшемся крестьянском движении к самопожертвованию и смерти, «в дальнейшем наше дело продолжат другие». Правда, «Дебагорий, как истый оптимист, и себя и других ободрял: “Поживём ещё, не в одном восстании участвовать будем”»¹⁶.

Организационная структура сообщества южных «бунтарей» была иерархичной. Во главе стояли его вдохновители, избранные большинством голосов на общем собрании в местечке Смела весной 1875 г. – Дебагорий-Мокриевич, Стефанович, Ковалевская и Фроленко¹⁷. Далее шли «члены-исполнители», которые должны были выполнять решения руководителей и постановления общих собраний, и агенты, знавшие программу организации, но не посвящённые во все её дела¹⁸. Все вопросы, включая и приём новых членов, решались простым большинством голосов. «Всякий член избирал для себя ту отрасль дела, которая была ему более по душе, – свидетельствовал Дебагорий-Мокриевич. – Работы в главных чертах намечены были следующие: 1) заведение связей среди крестьян, 2) устройство убежищ и складов оружия, 3) добыча средств, нужных для осуществления мятежа»¹⁹.

В конце 1875 – начале 1876 г. члены организации развернули энергичную деятельность на севере Херсонской и в юго-восточной части Киевской губерний (Корсунь с окрестностями, Каневский уезд и др.), где в 1855 г. происходили массовые волнения крестьян и казаков. Сборный пункт находился в местечке Смела на постоялом дворе у еврея Сруля. Однако местная полиция заподозрила в «бунтарях» воровскую шайку, и им пришлось перенести главный «притон», как сами они называли свои поселения, в Елисаветград. Великим постом 1876 г. все «поселенцы» под видом мелких торговцев и бляхарей-жестянщиков расселились по сёлам, где выжидали начало крестьянского выступления. Каждый из них раздобыл револьвер и кинжал, которые всегда носили при себе. Постоянно упражняясь в стрельбе, «бунтари» достигли превосходных результатов. Кроме того, они закупали подробные карты губерний, изданные Генеральным штабом. Кружок постепенно пополнялся новыми членами.

Вроде бы всё складывалось как нельзя лучше и шло по намеченному плану, только малороссийское крестьянство не собиралось поднимать мятежи, а тем более свергать монархию и устанавливать общинный социализм. Мужики-простолюдины относились к бунтарям-революционерам отстранённо и с явным предубеждением. Свои надежды на *земельный передел* деревенский люд связывал тогда не с бунтами и насильственным захватом собственности, а исклю-

¹⁵ Дейч Л. Южные бунтари. С. 69.

¹⁶ Бух Н.К. Указ. соч. С. 118.

¹⁷ Примечание М.Ф. Фроленко в книге: Бух Н.К. Указ. соч. С. 124; Фроленко М.Ф. Движение 70-х годов. С. 184.

¹⁸ Бух Н.К. Указ. соч. С. 124.

¹⁹ Дебагорий-Мокриевич В.К. Автобиография. С. 62.

чительно с *благой волей императора*. Великая реформа предоставила личную свободу от крепостной зависимости, но установила такие земельные наделы, на которых сельская семья зачастую едва могла прокормиться. К тому же на крестьян налагались непомерные выкупные платежи. Тем не менее мужики твёрдо верили: раз царь даровал свободу, то он дарует и землю. На Украине недовольство среди хлеборобов земельным положением и ожидание «чёрного передела» по «манию царя» были постоянны и повсеместны. Исправляющий должность киевского губернского прокурора Д.И. Данилевский 13 мая 1875 г. сообщал в рапорте министру юстиции К.И. Палену о положении крестьян в Черкасском и Чигиринском уездах: «Проживая почти в течение 10 лет в Малороссии, я лично имел случай много раз убедиться, что среди малороссийских крестьян всех наименований существует недовольство их поземельным устройством и толки о каком-то предстоящем общем переделе земель между всеми землевладельцами без различия сословий, по какому-то имеющему быть или уже последовавшему, но скрываемому от крестьян “царскому указу”»²⁰.

Всю нелегальную литературу, которую Е.К. Брешковская вместе со Стефановичем распространяла в 1874 г., селяне называли «грамотками» и искали в них царской милости, спрашивая, нет ли под «грамотками» подписи государя или кого-нибудь из его семейства. Отсутствие такой подписи вызывало у них разочарование. Изредка пропагандистам говорили: «Бумаги очень хорошие, и всё в них говорится, как нельзя быть лучше: чтобы вся земля поровну, что господ, попов и кулаков долой; только одно непонятно: зачем сказано, что царя не нужно? Как же так можно совсем без царя, кто же управлять-то станет!?»²¹ При этом среди южнорусских крестьян, как и в других регионах империи, были чрезвычайно распространены представления о том, что начальство от министров до станowych приставов противостоит царской власти и простому люду, умышленно искажая распоряжения монарха²². Мужики терпеливо и непреложно ожидали «милости насчёт земли», соглашаясь платить выкупные платежи, подати, сборы, терпеть помещиков и ублажать начальство в надежде на увеличение своих наделов. О «новом земельном положении», которое вот-вот будет подписано царём, говорили повсюду, нисколько не стесняясь и не скрываясь. Земельный вопрос открыто обсуждали на сельских сходках, на церковных праздниках, на свадьбах и общих работах.

Южные «бунтари», взгляды в крестьянский мир, медленно, но верно осознавали тщетность своих революционных планов. Убеждённость в мятежном духе мужика таяла. Бакунинская доктрина явно давала сбой, оказавшись неприменимой к российской действительности, и нуждалась в корректировке. Тогда подспудно начала вызревать мысль, крамольная и парадоксальная для революционера, – использовать монархические представления крестьян для побуждения их к активной борьбе с самодержавием. Идея спорная для народников, и, надо заметить, отнюдь не однозначно воспринятая в среде южан.

«Бунтари» обратили внимание на государственных крестьян Чигиринского уезда, где в нескольких волостях постоянно происходили волнения и оказыва-

²⁰ РГИА, ф. 1405, он. 72, д. 7182, л. 2–3.

²¹ Брешковская Е. Воспоминания пропагандистки // Былое. Ростов н/Д, 1906. Вып. II. С. 50.

²² Там же. С. 41.

лось упорное сопротивление при распределении земельных участков²³. Установить связь с чигиринцами было крайне сложно: уезд был наводнён полицией и войсками. Но, познакомившись в Киеве с крестьянами, арестованными за участие в беспорядках, «бунтари» принципиально изменили свои планы. Не теряя времени, Дебагорий-Мокриевич и Дробязгин отправились весной 1876 г. на разведку в местечко Богуславо в Каневском уезде, где раньше уже проживал учитель-пропагандист²⁴. Несколько крайне недовольных поселян встретили их весьма доброжелательно: вместе ходили в поле смотреть распределение земельных участков и стреляли из револьверов по целям. Эти-то крестьяне и уверили революционеров, что ложным царским призывом они легко поднимут все окрестные волости.

Дебагорий-Мокриевич восторженно рассказывал обо всём увиденном на общем съезде в Елисаветграде, доказывая, что пора поднимать в Чигирине бунт, который непременно примет грандиозные размеры. «Мы верили, – вспоминал он, – что единственный путь к осуществлению социалистического строя был путь революционный, кровавый. Для осуществления же социальной революции единственным путём признавали путь бунтовской. В нашем представлении бунт являлся, таким образом, альфой и омегой всего; а бунт в народе возможно было организовать лишь от царского имени»²⁵. Правда, многих южных революционеров шокировала апелляция к императорской власти, но, как уверяли наиболее непреклонные «бунтари», иного выхода не было.

Было решено к осени непременно сформировать «конный отряд, который именем царя будет побуждать крестьян к восстанию». «Отряд, – рассказывал Николай Бух, – должен сопровождать землемер со всеми своими атрибутами. По мере занятия сёл землемер немедленно приступит к переделу земли по числу наличных мужских душ населения. Предполагалось, что крестьяне, получивши по участку земли, будут защищать их всеми своими силами, и что слух о состоявшемся переделе земли будет склонять к нам симпатии всех ближайших сёл»²⁶. Обязанности землемера возложили на Буха, который сразу же принялся за изучение нового дела. Ещё до этого Анну Макаревич отправили в Швейцарию для покупки печатного станка, шрифта и других типографских принадлежностей, необходимых для печатания «царского» манифеста²⁷. Ей же поручили узнать мнение Бакунина о крестьянском восстании под монархическим флагом²⁸. Необходимое оборудование она купила и удачно переправила в Яссы, откуда Стефанович перевёз его в Киев. Однако Бакунин, с которым Макаревич встретила за несколько месяцев до его смерти, к замыслу «бунтарей» отнёсся отрицательно. «Нельзя, – поучал он, – шить чёрный костюм белыми нитками, они сейчас же выступят по всем швам»²⁹. Дебагорий-Мокриевич, единственный из «бунтарей» лично знавший Михаила Александровича и даже бывший с ним на «ты», «чувствовал себя несколько сму-

²³ Пойда Д.П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск. 1960, С. 196–234; Леценко М.Н. Класова боротьба в українському селі в епоху домонополістичного капіталізму (60–90 рр. XIX ст.). Київ, 1970. С. 146–147, 196–198.

²⁴ Дебагорий-Мокриевич В.К. Автобиография. С. 63.

²⁵ Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 205.

²⁶ Бух Н.К. Указ. соч. С. 130–131.

²⁷ Дейч Л. За полвека. Т. 1. Ч. 2. С. 36; Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Книга первая. Берлин, 1923. С. 117.

²⁸ Бух Н.К. Указ. соч. С. 126.

²⁹ Там же. С. 130. См. также: Дебагорий-Мокриевич В.К. Автобиография. С. 62.

щённым», поскольку ранее «он не сомневался в получении благословения М.А. Бакунина, и вдруг такой афронт»³⁰. Многие из южных революционеров придумались, но затем сочли, что «старик плох уже, потерял свой революционный пыл»³¹. Начатое дело было продолжено.

Фроленко, «человек с самой высокой революционной репутацией», сумел купить в Одессе револьверы на тысячу рублей, выделенную местными радикалами на благое дело³², а затем отправился за дополнительной материальной помощью и оружием в Петербург. Однако кружок «натансоновцев», принявший позднее название общества «Земля и воля», отказался дать деньги, так как хотел получить гарантии, что восстание состоится и к тому же в точно обозначенные сроки³³. Надо полагать, это была лишь отговорка. Определённую роль сыграло то обстоятельство, что ещё в конце февраля 1876 г. М.А. Натансон приезжал в Киев и встречался с Дебагорием-Мокриевичем, Стефановичем, Дейчем и Макаревич. Несмотря на благоприятное впечатление, произведённое Натансоном на «бунтарей», убедить их в пользу создания единой организации ему не удалось³⁴.

На свои 500 руб. Фроленко купил в оружейном магазине 30 револьверов, дешёвых и никуда не годных³⁵. Это вызвало огромное разочарование у будущих главарей южных повстанцев. «Первоначально мы мечтали добыть оружие по крайней мере тысяч на десять человек, – писал Дебагорий-Мокриевич. – Предполагалось, что раз только мы выступим вооружённым отрядом и объявим крестьянам манифест, крестьяне тотчас станут волноваться. Этой минутой мы должны были воспользоваться и дать возможность вооружиться бунтовщикам. Для этого-то мы и должны были заблаговременно заготовить оружие. Но десять тысяч ружей стоили по крайней мере тысяч двести рублей; да нужно было ещё израсходовать огромную сумму на тайную перевозку этих ружей, на устройство склада и т. д. Повторяю, мы надеялись, что манифест взбунтует народ и, следовательно, для успеха бунта нам оставалось только заготовить оружие. Но по мере того, как мы спускались с облаков на землю или, другими словами, переходили от наших проектов и планов к их практическому осуществлению – наши мечты становились всё менее и менее пыльными; задачу свою мы всё более и более суживали. О десяти тысячной армии мы скоро перестали мечтать и поставили себе цель несравненно более скромную – добыть оружие хоть для одной тысячи человек. Но и тысяча ружей стоила тысяч двадцать–тридцать рублей, а с контрабандной перевозкой, да другими посторонними расходами, влезла бы, пожалуй, в целых пятьдесят»³⁶. Таких денег не было, и не могло быть. «Если без оружия бессмысленно было поднимать бунт, – заключал лидер южных “бунтарей”, то сам собою напрашивался вывод, что бессмысленно было и вообще поднимать восстание»³⁷. С конным отрядом также ничего не получилось: удалось приобрести всего три лошади, и то только к концу лета 1876 г.³⁸

³⁰ Дейч Л. За полвека. Т. 1. Ч. 2. С. 46.

³¹ Бух Н.К. Указ. соч. С. 130.

³² Фроленко М.Ф. Из далёкого прошлого. С. 126–127.

³³ Фроленко М.Ф. Движение 70-х годов. С. 186.

³⁴ Дейч Л. За полвека. Т. 1. Ч. 2. С. 25–26.

³⁵ Фроленко М.Ф. Из далёкого прошлого. С. 129–130.

³⁶ Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 227.

³⁷ Там же. С. 267.

³⁸ Фроленко М.Ф. Из далёкого прошлого. С. 127.

Недостаток средств сказывался во всём, поэтому осуществление намеченного плана восстания не продвигалось ни на йоту. В своих пристанищах «бунтари» жили нищенски и впроголодь. Нужны были деньги, много денег. Ещё на съезде в Смеле было решено организовать «шайку для добычи денежных средств путём ограбления почт, помещичьих усадеб и проч.»³⁹. Атаманом избрали И.М. Ходько («Мартына»), принявшего, надо заметить, это назначение весьма неохотно. В шайку вошли Андрей Лепешинский и Николай Бух. Была намечена и первая акция. Один экзальтированный юноша в Елисаветграде предложил ограбить своих родственников-помещиков. Он поехал для осмотра места действия, где его встретили с распростёртыми объятиями, окружили заботой и лаской. И юноша не решился на столь коварное предательство⁴⁰. Ходько вскоре уехал в Кременчуг и больше в денежных делах «бунтарей» не участвовал. На этом шайка экспроприаторов закончила своё существование.

Был возможен ещё один источник пополнения революционной кассы. Член кружка Чубаров владел вместе с братом имением в Пензенской губернии, но из-за нелегального положения обратить свою долю в деньги ему так и не удалось, хотя какие-то суммы от доходов имения он всё же поставлял в организацию⁴¹.

Безденежье и отсутствие реального дела, пассивность и монархизм крестьян порождали в кружке сомнение и разочарование. Дебагорий-Мокриевич свидетельствовал, что «многие из наших тогда уже стали иронизировать и над мужиком, и над собою, и над всеми нашими предприятиями»: «Они прекрасно видели и понимали, что народ оставался так же чужд им, как был для них и раньше, до их жизни в деревнях; чувствовали, с другой стороны, и себя чуждыми народу, и это, конечно, должно было развить у них недоверие к своим силам и своему делу. Они увидели, что ни народ для них, ни они для народа не были нужны<...> Не у одного из скептиков в ту минуту поднимался, может быть, вопрос в таком роде: “а что если мы не там ищем решения вопроса, где его следует искать?”»⁴².

Дурную роль в судьбе «бунтарского» сообщества сыграло трагическое покушение на Н.Е. Гориновича⁴³. Николай Горинович – недоучившийся гимназист, член кружка «Киевской коммуны», «хожденец в народ». Осенью 1874 г. его арестовали, на допросах он сознался в принадлежности к кружку и дал «откровенные» показания. В начале 1875 г. его освободили из-под стражи и подчинили гласному надзору в Киеве⁴⁴. В начале июня 1876 г. он приехал в Елисаветград и стал разыскивать «бунтарей». Цель его приезда так и осталась невыясненной. Во всяком случае, Горинович объявился в городе по собственной инициативе, а не по наущению Киевского жандармского управления. Между тем его поведение показалось весьма подозрительным: он мог навести на след жандармов и подорвать подготовку восстания. Было решено с ним покончить, свои услуги предложили Дейч и Малинка, в акции также принимал участие Стефанович⁴⁵. Чтобы скрыть обстоятельства убийства, преступники вместе с жертвой выехали из Елисаветграда в Одессу. В ночь на 11 июня 1876 г. на одесской товарной

³⁹ Бух Н.К. Указ. соч. С. 124.

⁴⁰ Там же. 126.

⁴¹ Дейч Л. Южные бунтари. С. 63.

⁴² Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 266–267.

⁴³ Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири (Воспоминания). Изд. 2, испр. и доп. СПб. Б.г. С. 15–16; Лавров П.Л. Народники-пропагандисты. 1873–1878 гг. Л., 1925. С. 176–178, 264.

⁴⁴ Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 251–252, 257.

⁴⁵ Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчёт. М., 1906. С. 30.

станции жертву завели в пустынное место возле скотобоен. Малинка несколько раз ударил Гориновича кистенем, а Дейч полил раздробленную голову серной кислотой. Казалось, всё продумано: страдания предателя сведены к минимуму, кислота разъест лицо, и опознать труп будет невозможно. Но Горинович остался жив и поднял крик, исполнители казни бежали⁴⁶. Молодой человек на всю жизнь остался слепым, с обезображенным лицом⁴⁷. Впоследствии Дейч счёл нужным опубликовать в форме письма в журнал «Община», выходящий в Женеве, подробности этой акции, сожалея о случившемся и уверяя, что «непреднамеренные истязания Гориновича – случайность»⁴⁸.

На первом же допросе пострадавший горе-революционер дал показания об участниках покушения и членах кружка. В Елисаветграде были арестованы военный фельдшер Л.О. Майданский и местный адвокат В. Краев, у которого Горинович встречался с Малинкой и Дейчем. Краев стал давать компрометирующие показания⁴⁹. Был открыт явочный притон в городе. Дело приобретало крутой оборот. Можно было легко проследить членов кружка, живших по окрестным сёлам и наезжавших в Елисаветград. Пришлось срочно покидать «поселения». Как признавался Дебагорий-Мокриевич: «Мы бросились врассыпную, кто куда находил удобным для себя»⁵⁰. Вся деятельность южных «бунтарей» явочным порядком пресеклась.

Вскоре кружок почти в полном составе собрался в Харькове. Сходки проходили близ города, по большей части в роще, называемой «Основой». «Стали мы сходиться, – вспоминал Дебагорий-Мокриевич, – и толковать о том, как нам дальше быть, как довести дело наше до конца, т.е. до вооружённого восстания. Рознь, наблюдавшаяся давно среди нас, всё-таки не бросалась так резко в глаза раньше, как это мы все почувствовали теперь на харьковском съезде. Пока мы жили по деревням, в разных местах, разногласия менее были заметны; когда же мы собрались в одно место, да ещё с целью принять решения на будущее время – всё всплыло наружу. Теперь нам предстояло начинать многое сызнова: выбирать места для поселений, устраиваться под новыми предложениями и прочее, так как надо было затереть все свои следы; розыски по делу Гориновича могли повлечь за собою весьма опасные последствия. Если бы мы бодро относились к нашему делу и верили в его осуществимость, то те затруднения, какие представлялись нам вслед за неудачным покушением на жизнь Гориновича, конечно, были бы преодолены, и мы продолжали бы преследовать нашу цель. Но веры в дело уже не было. Да и зачем, в самом деле, опять было селиться нам по деревням? Ведь там делать было нечего! Рознь проявилась среди нас невообразимая!»⁵¹.

К лету 1876 г. в южном революционном народничестве явно обозначился программно-тактический кризис, вызванный безрезультатными попытками организовать народное восстание. Сообщество южных «бунтарей» на съезде в Харькове фактически самораспустилось. Но Яков Стефанович собирался продолжать «чигиринское дело» с несколькими товарищами, решив создать боевую народную организацию, основанную, из-за безвыходности, на монархических иллюзиях

⁴⁶ Бух Н.К. Указ. соч. С. 132; Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 268–269.

⁴⁷ Хроника социалистического движения в России... С. 30.

⁴⁸ Дейч Л. Зверская расправа с Гориновичем // Община. Социально-революционное обозрение. Женева, 1878. № 8–9. С. 17.

⁴⁹ Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 269.

⁵⁰ Там же. С. 270; Дебагорий-Мокриевич В.К. Автобиография. С. 164.

⁵¹ Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 281.

крестьянства. Привлекать остальных и посвящать в свои планы он не считал нужным, но выговорил у кружка условие, что заберёт печатный станок. Было понятно, что он понадобится для подложного царского манифеста.

Те «бунтари», которые отказались от «чигиринского заговора» с монархической подоплёкой, обосновались по фальшивым документам в Харькове, в маленькой квартирке, которую сняли на углу Жандармской улицы и Гончаровского бульвара. Они занялись изысканием средств уже не для революционных акций, а для пропитания: кто добывал хлеб насущный перепиской нот, кто поступил в хор местной оперетки, кто обшивал харьковских модниц, кто сапожничал, кто занялся репетиторством, а кто пошёл в грузчики⁵². Стефанович, Дейч, Бохановский, Чубаров, теперь уже бывшие участники кружка южных «бунтарей», поселились в конце 1876 г. в Киеве и начали подготовку восстания в Чигиринском уезде. Летом 1877 г. вследствие разногласий Чубаров вышел из компании и уехал в Одессу.

Позднее в журнале «Чёрный передел» Стефанович заявлял, что ставил своей задачей привнесение революционного элемента в «тупой протест» чигиринцев. Используя их царистские настроения, он стремился «возбудить сознание необходимостью активного образа действий, внушить надежду не на постороннюю помощь, а единственно на свои собственные силы»: «На значительно уже подготовленной почве я задумал попытаться создать революционную организацию, на знамени которой начерчены желания народа – “земля и воля”<...> Конечную целью тайного крестьянского общества должно было быть восстание. Надеяться хоть на некоторое осуществление этой задачи, по моему мнению, возможно было, только руководясь следующим началом: приравниваться в своём образе действий к характеру крестьянского мирозерцания»⁵³.

Вместе с тем Стефанович ясно осознавал, что такое «крестьянское мирозерцание», и что затеянное им дело зиждется на косных социально-политических представлениях деревенского люда. В статье, написанной по свежим следам в 1878 г., он писал без прикрас об «умственных и нравственных преградах», вставших перед революционерами в деревне, упрекая «хождения в народ» в поверхностном знании подлинного облика русского мужика. Опираясь на свой многолетний опыт, Стефанович отмечал в простом народе темноту, невежество, предрассудки, наивную веру в царя, общественную пассивность крестьянского мира, отсутствие в нём солидарности и инициативы⁵⁴. Однако все эти верные наблюдения не приводили Стефановича к мыслям о пересмотре народнической программы. Упорный бакунист и «бунтарь», он по-прежнему уповал на «общинный дух» великорусского и украинского народа, который «проявляется во всех формах его быта». Как правоверный социалист-народник он продолжал отстаивать «истинные революционно-народные требования общинного землепользования и общинного самоуправления, т. е. в уничтожение государства». «Две великие народные задачи, которые станут задачами настоящего времени и всех русских социалистов, если они захотят всмотреться в условия жизни своего народа, – утверждал Стефанович. – Скорейшее осуществ-

⁵² Бух Н.К. Указ. соч. С. 135–138.

⁵³ Я.С. [Стефанович Я.В.] Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная дружина» (Опыт революционно-народнической организации) // Чёрный передел 1880. 15 января. № 1 // Чёрный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880–1881 гг. М.; Пг., 1923. С. 146–147.

⁵⁴ Я.С. [Стефанович Я.В.] Наши задачи в селе // Община. Социально-революционное обозрение. Женева, 1978. № 8–9. С. 33.

вление социалистических целей достигается у нас через осуществление тех желаний, тех идеалов, какие коренятся в самом народе»⁵⁵. При этом он парадоксально полагал, что поставленные задачи крестьянской социалистической революции могут быть достигнуты путём апелляции к царскому авторитету в крестьянской среде.

Надеялась на это и Мария Ковалевская, предлагавшая отпечатать царский манифест о безвозмездной передаче земли крестьянам и, отправившись на лодках вниз по Днепру, раздавать его в прибрежных селениях. «Это наверно вызовет волнение, – полагала она, – и тогда мы увидим, как нам поступать дальше». Остальные «бунтари» не могли с ней согласиться. Дебагорий-Мокриевич, например, считал, что такая акция ничего не даст и приведёт лишь к «пассивным бунтам», когда крестьян секут, а те из последних сил терпят⁵⁶. От восстания на Чигиринщине потому и отказались, что не было реальных возможностей довести его до победного конца.

Тогда же в Женеве революционные народники разработали план развития Чигиринских волнений, прямо противоположный замыслу Стефановича. П.Б. Аксельрод, Н.К. Судзиловский и Н.А. Жебунёв решили обратиться к чигиринцам с воззванием, которое объяснило бы им, что «напрасно надеются они на царя», поскольку «царь держит сторону помещиков и начальства». «Чтоб усилить впечатление от нашего воззвания, – вспоминал Аксельрод, – мы решили напечатать его золотыми буквами, то есть придать ему внешний вид той самой “золотой грамоты”, которой мужики ждали от царя»⁵⁷. Жебунёв написал воззвания по-украински с призывом к гайдаматчине: взять «ножі в руки і добути собі землю, волю та святую правду»⁵⁸. Текст отпечатали в наборне «Работника» в количестве около 500 экземпляров. Аксельрод доставил «царскую грамоту» на Украину и стал подыскивать людей для её распространения, но под влиянием Фроленко и его товарищей отказался от своих планов⁵⁹.

В Чигиринском уезде в 11 волостях с населением 28 тыс. человек ещё в начале 1870-х гг. начались волнения среди бывших государственных крестьян, требовавших передела земли⁶⁰. Одни, называвшиеся «душевиками», были недовольны малыми земельными наделами и добивались общего передела всей земли по числу ревизских душ в хозяйстве. Другие крестьяне, более зажиточные, желали закрепить за собою посредством люстрационных актов⁶¹ те наделы (иногда двойные и тройные участки), которыми уже владели. Их стали называть «актовиками». Правительственная люстрационная комиссия требовала от всех поселян подписания актов. Отказываясь признать законность правительственных действий и отстаивая право общинного землепользования и душевого передела, «душевики» упорно сопротивлялись люстраторам, мировым посредникам, волостным урядникам, а также вступили в непримиримую

⁵⁵ Там же. С. 35.

⁵⁶ Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 285–286.

⁵⁷ Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 146.

⁵⁸ ГАРФ, ф. 7026, оп. 1, д. 4, л. 3–4.

⁵⁹ Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 151.

⁶⁰ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 80.

⁶¹ Люстрационные акты – опись государственных земель и угодий с указанием численности населения и взимаемых с него податей и сборов.

вражду с «актовиками»⁶². Начались обычные правительственные меры: усмирения, воинские постой, массовые порки, аресты и высылки.

По деревням стали ходить набожные люди, которым открывались видения о крестьянской правоте на подушную землю⁶³. У «душевиков» появился свой вожак – Хома (Фома) Прядко, непримиримый борец за «общественную правду», который пытался дойти даже до самого царя, но ничего не добился. Возвратившись на родину, он упорно поддерживал у «душевиков» уверенность, что «царь скоро прикажет переделить землю»⁶⁴. Прядко долго скрывался от полиции, однако в конце концов угодил в Киевский тюремный замок.

В апреле 1875 г. волнения возобновились с новой силой. В позднейшей записке министра юстиции Д.Н. Набокова Александру II о «Чигиринском деле» говорилось, что стихийные выступления охватили 10 волостей с населением в 50 тыс. душ. Крестьяне отказывались подписывать люстрационные акты, вносить выкупные платежи, сопротивлялись описи имущества за недоимки, защищали односельцев при арестах, а также нападали на сельских представителей власти и ненавистных «актовиков»⁶⁵. В мае порядок был восстановлен с помощью военных команд, которые в ряде сёл были оставлены на постой. По Чигиринщине прокатились массовые экзекуции. Это была невиданная расправа: крестьянский сход окружали войска, каждого мужика спрашивали, согласен ли он подписаться на люстрационный участковый надел, а за отказ валили на землю и секли. Были смертельные исходы⁶⁶. Позднее около ста домохозяев арестовали и увезли в Киев, что означало полное разорение семей, которым оставалось только идти по миру.

Арестованные чигиринцы сидели в Киеве не по тюрьмам, а в полицейских участках, так как не считались государственными преступниками. Порядки были ещё старозаветные. Для такого рода арестантов казённых харчей не полагалось, поэтому их отпускали днём в город на пропитание, а вечером они возвращались в свои камеры. Ещё в декабре 1875 г. через активного участника волнений Л.А. Тенненника Стефанович познакомился с некоторыми арестантами. Встреча состоялась на Сенной площади в чайной. Стефанович, одевшись побогаче, назвался крестьянином Херсонской губернии Дмитрием Найдой. Он рассказывал, будто односельчане направили его ходоком к царю, и вызывался похлопотать также об их, чигиринцев, деле ради правды и справедливости. Побывал он тайно и на Чигиринщине. В феврале 1876 г. Стефанович составил вместе с крестьянами прошение к царю. При этом, хотя, по признанию самого революционера, ему докучало участие в церковных обрядах, он вынужден был «присоединиться к крестьянам в их усердных молитвах к Богу о ниспослании благополучного исхода столь важному предприятию»⁶⁷.

После такого многообещающего начинания Дмитрий Найда исчез на целых восемь месяцев. В это время он, Дейч и Бохановский жили в маленьком доме на Ивановской улице, в пригороде Киева, называвшемся «Киевской

⁶² РГИА, ф. 1405, оп. 72, д. 7182, л. 4.

⁶³ Матеріали до історії селянських революційних рухів... С. 167–170; Я.С. [Стефанович Я.В.] Чигиринское дело... С. 143.

⁶⁴ Матеріали до історії селянських революційних рухів... С. 61–62, 174–176, 395–396; Пойда Д.Л. Указ. соч. С. 207.

⁶⁵ РГИА, ф. 1405, оп. 75, д. 7200, л. 269.

⁶⁶ Я.С. [Стефанович Я.В.] Чигиринское дело... С. 148; Корреспонденция в газету о расправе с чигиринцами // Вперёд! 1875. 15(3) августа. № 15.

⁶⁷ Я.С. [Я.В. Стефанович] Чигиринское дело... С. 150.

Швейцарией»⁶⁸. Здесь заговорщики устроили подпольную типографию и составили подложную царскую грамоту.

В ноябре 1876 г., на Филиппов пост, Дмитрий Найда снова объявился среди чигиринцев и собрал их на тайной квартире. В руках у него была «Высочайшая Тайная Грамота», напечатанная на большом листе бристольской бумаги с золотыми краями, с печатями императора и комиссаров. Неграмотные мужики смотрели на неё с благоговением. В весьма подробных и откровенных показаниях Стефанович позднее писал на следствии, что Дейч по его распоряжению ездил за границу для печатания грамоты, устава и бланков присяги: «уехал в сентябре месяце и возвратился в ноябре, выполнив взятое на себя дело»⁶⁹.

В грамоте говорилось, что царь с самого начала своего правления заботился о своём народе, но всегда встречал упорное сопротивление дворян и чиновников. Окружённый всюду врагами, он убедился в невозможности сделать для крестьян благо собственной властью и предлагает им самим бороться за свои интересы, соединяясь в общества, именуемые «тайными дружинами», и готовясь к восстанию против чиновников, помещиков и всех высших сословий. «Когда же священная борьба ваша с дворянами, этим хитрым, но слабым врагом вашим, с Божией помощью увенчается для вас победой, – говорилось в грамоте, – тогда вся земля, с лесами и с покосами, станет таким же бесплатным достоянием вашим, как вода, свет солнечный и всякий другой дар Божий». «Грамота» оканчивалась воззванием: «Итак, осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови благословение Божие на святое дело твоё! Помни как заповедь сии слова, сказанные тебе царём – доброжелателем твоим!»⁷⁰. К грамоте прилагались якобы утверждённые императором «Устав» крестьянского сообщества и «Обряд святой присяги». Их вместе с брошюрным вариантом грамоты мастерски отпечатал на конспиративной квартире в Киеве Бохановский⁷¹.

Чигиринцы, выслушав Стефановича, были обескуражены всем поворотом дела. Они не могли поверить, что царь так бессилён. Они ожидали царского указа, но другого – такого, по которому их немедленно отпускали бы по домам без актовой подписки, а на Чигиринщину для удовлетворения крестьянских требований прибывала бы какая-нибудь царская комиссия. Мужики-хлеборобы сопротивлялись, как могли, местным властям, но не были готовы к созданию тайной повстанческой организации и восстанию. Стефанович с трудом преодолел их сомнения. Его довод был доходчив: царь, опутанный чиновниками, сделал для них всё, что мог. Теперь наступило их время помочь царю.

⁶⁸ Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 300.

⁶⁹ Протокол допроса Я. Стефановича в Киевском ГЖУ. Октябрь 1877 г. // Матеріали до історії селянських революційних рухів... С. 258–259. В жандармской официальной «Хронике социалистического движения» сказано, что «“золотую грамоту”, якобы исходящую от государя» отпечатали в Швейцарии (Хроника социалистического движения в России... С. 30).

⁷⁰ Документы к Чигиринскому делу. Высочайшая Тайная Грамота // Былое. 1906. № 12. С. 257–258.

⁷¹ Это подтверждается сличением жандармами во время следствия остатков шрифтов, обнаруженных в квартире, с текстами брошюр. См.: Экспертиза в Киевском ГЖУ шрифта, которым напечатаны «Устав тайной дружины» и «Тайная грамота». 30 февраля 1878 // Матеріали до історії селянських революційних рухів... С. 271–273; Русская подпольная и зарубежная печать. I. Донатовольческий период. 1831–1879. Вып. I. М., 1935. С. 122, 182; Мезьер А.В. Словарный указатель по книговедению. Ч. 3. М.; Л., 1934. С. 542.

И начался приём в тайные дружины. Крестьяне, жаждавшие поквитаться с «актовиками», чиновниками и панами, с воодушевлением шли на «государеву службу». Царский посланник Найда появился в селении Шабельники, потом в деревне Рассошинцы и некоторых других местах Чигиринского уезда, организовывая тайные дружины и поддерживая в крестьянах веру в скорое вооружённое восстание. Приезжать в уезд ему было небезопасно, потому он приглашал в Киев, а также в местечки Смелу и Крылов наиболее энергичных дружинных организаторов – отставного фельдфебеля И. Пискового и унтер-офицера Е. Олейника, Л. Тенненика, А. Приходько и др. Стефанович получал от них списки дружинников и передавал им от имени императора довольно значительные денежные суммы на подготовительные расходы и для раздачи наиболее нуждающимся крестьянам. Как свидетельствует Дейч, деньги «бунтарям» переслал Марк Натансон – 2 тыс. руб. «на поддержание тех, кто голодал»⁷². Осенью 1876 г. Стефанович и Дейч приезжали в Петербург и посвятили Натансона, в тайне от других землевольцев, в свои планы и получили от него «сравнительно большую сумму денег в несколько тысяч рублей»⁷³. Речь шла об общей сумме в 12–15 тыс., «когда приблизится время восстания»⁷⁴.

Чтобы вступить в дружину, нужно было принять присягу, которая совершалась стоя на коленях перед иконой Спасителя, святым Крестом и Евангелием, а также двумя накрест воткнутыми пиками или ножами, при зажжённых свечах. Вступавший в дружину клялся пожертвовать жизнью для борьбы с оружием в руках против помещиков и чиновников, погубивших крестьянскую волю и отнявших землю, «вручённую самим Богом и Государем»⁷⁵. Каждый дружинник был обязан вербовать новых членов, приготовить к восстанию пику или ратище, а также ежемесячно вносить 5 коп. в общую кассу. Дмитрий Найда, по требованию крестьян, сам первым выполнил священный ритуал⁷⁶. «Душевики» валом повалили в тайное царское сообщество. Посвящения в дружинников стали проходить среди бела дня по многим хатам. Около трёх сотен крестьян собралось ночью в степи у кургана, чтобы при свете фонаря выслушать высочайшую грамоту и принести присягу на верность царю.

Тайные дружины разделялись на кружки («староства»), состоявшие из 25 крестьян, живущих в одном околотке, во главе с выборным старостой, который должен был вербовать новых членов, приводить их к присяге и наблюдать за дружинниками⁷⁷. Старосты составляли «Старостную раду», выбиравшую атамана, через которого сносились с «царскими комиссарами». Атаманом избрали Ефима Олейника. «Всею дружиною земли русской» должен был заправлять Совет комиссаров, «избранных самим государем императором Александром Николаевичем». В него вошли революционеры-заговорщики: царь якобы назначил Якова Стефановича своим Верховным комиссаром, а Льва Дейча и Ивана Бохановского – комиссарами-помощниками⁷⁸. Приказания комиссара как личные, так и переданные через атамана, должны были исполняться старостами и дружинниками беспрекословно. В случаях измены

⁷² Дейч Л.Г. Чигиринська справа. Харків, 1929. С. 29–30. См. также: Дейч Л.Г. Валериан Осинский (К 50-летию его казни) // Каторга и ссылка. 1929. № 5. С. 41.

⁷³ Дейч Л.Г. Евреи в русском революционном движении. Т. 1. Л., 1925. С. 169.

⁷⁴ Дейч Л.Г. Валериан Осинский (К 50-летию его казни). С. 11.

⁷⁵ Документы к Чигиринскому делу. Обряд святой присяги // Былое. 1906. № 12. С. 261.

⁷⁶ Процесс 17-ти народовольцев в 1883 году // Там же. № 10. С. 200.

⁷⁷ Там же. С. 197.

⁷⁸ Дейч Л.Г. Чигиринська справа. С. 25.

комиссару предоставлялось право выносить смертные приговоры, ибо «изменников не должно щадить, и всякий, кто умертвит предателя, совершит доброе и благородное дело»⁷⁹.

Всего в «Тайную дружину» к лету 1877 г. было вовлечено 967 бывших государственных крестьян⁸⁰, составивших 12 отдельных дружин в 12 сёлах семи волостей⁸¹. «Разумеется, этот быстрый успех дела был только количественный, – признавался Стефанович, – большинство, как пришлось мне потом убедиться из разговоров с некоторыми, не понимало смысла Устава; были и такие, которые не уразумели даже цели тайного общества; ... а имя царя, упоминаемое в Уставе, сложило понимание ими дела в том смысле, что всякий, давший предлагаемую присягу, получит от царя землю и волю»⁸².

Восстание намечалось на престольный праздник Покрова Пресвятой Богородицы. 1 октября 1877 г. под колокольный звон должна была начаться резня «помещиков, представителей других сословий и установленных правительством властей»⁸³. Немедленно следовало начать захват и душевой раздел земли. Ожидалось, что затем чигиринское выступление перекинется на соседние уезды и губернии. Крестьянская война, казалось, была неминуема. К тому же Россия вела войну с Турцией, и значительные военные силы были выведены с территории Украины на Балканы.

Стефанович удачно выбрал время начала восстания и, что намного важнее, точно определил идеологические основы крестьянского движения. Вобрав в себя горький опыт общения с деревенским людом во время «хождения в народ», он во всей полноте осознал, что есть лишь два рычага, которые могут поднять поселян: вера в царя и вера в Бога. «Бунтарь» рассчитывал использовать приверженность крестьян к царизму и их религиозные чувства, но в итоге у него получился заговор не революционеров-социалистов, а православных монархистов.

Местные власти и полиция с самого начала догадывались, что по чигиринским сёлам замышляется нечто тёмное и противозаконное, но выяснить ничего не могли. Вместе с тем, как свидетельствует Стефанович, «важным обстоятельством, послужившим причиной той гласности, которую приобрело дело, являлось пьянство»: «В дополнение к Уставу пришлось ввести обязательным (условием. – Ю.П.) ограниченное употребление водки; разумеется, толку от этого было не много. Вновь вступающие члены, после присяги, считали своим долгом завершить дело выпивкой; а старосты, на которых лежала обязанность, по решению рады, искоренять этот обычай, не всегда и в себе самих находили достаточно твёрдости, чтобы не впасть в соблазн»⁸⁴. Рада даже помышляла закрывать все шинки, кроме одного на всю волость.

Тайное стало явным при очень простых обстоятельствах; сколько ниточке ни виться, а белый конец найдётся. Андрей Приходько из села Адамовки, намечавшийся на роль адамовского атамана, в августе 1877 г. разговорился в шинке со знакомым отставным солдатом Конограем, который подносил и подносил чарки

⁷⁹ Документы к Чигиринскому делу. Устав крестьянского общества «Тайная дружина» // Белое. 1906. № 12. С. 259–260.

⁸⁰ Пойда Д.П. Указ. соч. С. 223.

⁸¹ Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Исторический архив. 1921. № 1. С. 75; Рудько М.П. Революційні народники на Україні (70-ті роки XIX ст.). Київ, 1973. С. 133.

⁸² Я.С. [Стефанович Я.В.] Чигиринское дело... С. 156.

⁸³ Процесс 17-ти народовольцев в 1883 году. С. 197.

⁸⁴ Я.С. [Стефанович Я.В.] Чигиринское дело... С. 207–208.

своему собеседнику. Охочий до горилки, Приходько дал волю своему красноречию и рассказал о тайной дружине. В тот же вечер Конограй побежал с подробным доносом к исправнику, который дал наушнику 10 руб. и приказал вступить в тайное общество. На следующий день в хате Приходько Конограй принял посвящение и тут же заставил своего посвятителю пойти вместе с ним к исправнику. Приходько во всем повинулся и передал полиции несколько печатных экземпляров устава «Тайной дружины», копию «Высочайшей Тайной Грамоты» и письмо комиссара Найды к адамовской дружине. Заговор был раскрыт.

Начались аресты. Испуганные власти ожидали вооружённых сопротивлений и входили в сёла в сопровождении военных команд, но это оказалось излишним. Дружинники сдавались добровольно, толпами являясь с повинной и «принося полное раскаяние в своих заблуждениях», ибо, как писал позднее Александру II Д.Н. Набоков, «вступая в сообщество, они исполняли свой верноподданнический долг»⁸⁵. К следствию привлекли до тысячи человек (по сведениям Л.Г. Дейча – 1 150 человек)⁸⁶.

Приходько не только дал подробнейшие показания, но и выдал киевскую квартиру, где встречался с главарями заговора. В ночь на 1 сентября по указанному адресу на Жилянской улице был произведён обыск и найдены различные типографские принадлежности и пять револьверов. На квартире арестовали Владимира Малавского, не причастного к «Чигиринскому делу». На другой день там же в засаду попался Иван Бохановский. Он попытался предупредить запиской своих товарищей, но это привело лишь к тому, что 3 сентября на станции Талалаевка Ландварово-Роменской железной дороги схватили Якова Стефановича и Льва Дейча. Стефанович оказал вооружённое сопротивление: он стрелял из револьвера в жандармского капитана Г.Э. Гейкинга, лично явившегося на задержание опасных преступников⁸⁷.

Пойманных зачинщиков заговора посадили в Киевский тюремный замок, но все трое в мае 1878 г. до суда бежали из заключения при содействии Фроленко и В.А. Осинского, члена-учредителя «Земли и воли». Деньги на побег – 1 тыс. руб. – достала Вера Засулич, она же подвигла Осинского взять на себя организацию побега⁸⁸. Нравы и обычаи в Киеве были ещё по-провинциальному просты и бесхитростны. Фроленко для устройства побега поступил в тюрьму надзирателем. С подложными документами на имя Тихонова он пошёл в Киевский тюремный замок и нанялся на работу. За три с половиной месяца он сделал карьеру от сторожа до ключника, после чего на глазах охраны вывел Стефановича, Бохановского и Дейча через служебный вход, где их ждал с подводой Осинский⁸⁹. Беглецы сплавились вниз по течению Днепра и благополучно переправились через границу.

В июне 1879 г. дело чигиринских дружинников разбирала Киевская со-единённая палата уголовного и гражданского суда, после чего, вследствие протеста губернского прокурора, оно рассматривалось в ревизионном порядке в V департаменте Правительствующего Сената, вынесшем своё определение 6 мая 1880 г. Процесс получил широкую огласку и общественный резонанс,

⁸⁵ РГИА, ф. 1405, оп. 75, д. 7200, л. 290.

⁸⁶ Рудько М.П. Указ. соч. С. 133; Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда. С. 77.

⁸⁷ Хроника социалистического движения в России... С. 30.

⁸⁸ Дейч Л. Валериан Осинский (К 50-летию его казни). С. 22.

⁸⁹ Фроленко М.Ф. Как я был тюремным надзирателем // Фроленко М.Ф. Собрание сочинений. Т. 1. С. 241–276.

что, видимо, повлияло на либеральный характер ведения судопроизводства и мягкость приговоров. Неграмотных и обманутых поселян, простосердечно преданных императору, не судили строго. Ещё до процесса, 23 октября 1878 г., по Высочайшему повелению было прекращено судебное преследование 829 обвиняемых. 15 подсудимых из 45 преданных суду Сенат освободил от судебной ответственности, ещё 25 было сделано строгое внушение. Наконец, наиболее активные крестьянские вожаки заговора – Олейник, Тененик, Писковой, К. Прудкий, и М. Гудзь – были лишены всех прав состояния и приговорены к различным срокам заключения в арестантских ротах⁹⁰. После долгих мытарств и прошений о помиловании при «чистосердечном раскаянии» их сослали в отдалённые сибирские места.

В исторической перспективе «Чигиринский заговор» явственно сказался в народническом движении конца 1870-х гг. Заговор произвёл громадное впечатление в революционной среде и вызвал обострённые споры в «Земле и воле». «Значительное большинство землевольцев, – писал Г.В. Плеханов, – относилось к нему вполне одобрительно»⁹¹. Этого мало, всё предприятие в Чигирине, как мы знаем, тайно субсидировалось землевольческой организацией через Нансона, арестованному к тому времени.

По воспоминаниям О.В. Аптекмана, «землевольцев “чигиринское дело” совершенно ослепило», причём не только в Петербурге⁹². В провинции большинство революционеров «безусловно сочувствовало Стефановичу и Дейчу»⁹³. Валериан Осинский и Адриан Михайлов «увлеклись этим делом, можно сказать до самозабвения»⁹⁴. У Алексея Оболенева (Сабурова) при аресте осенью 1878 г. была найдена рукопись, приобщённая затем к обвинительному акту по «Процессу центра “Земли и воли”». В ней защищались и оправдывались организаторы «чигиринщины», сделавшие всё, чтобы подорвать в мужиках любую надежду на осуществление своих желаний помимо восстания⁹⁵. Народники, пояснял Плеханов, «верили в революционную логику стихийного крестьянского взрыва и думали, что совершившись даже во имя царя, такой взрыв неизбежно приведёт к отрицанию царской власти»⁹⁶. Эту убеждённость разделял и Александр Михайлов, фактический руководитель «Земли и воли» в тот период. Он сочувственно воспринял чигиринскую практику и в бурном споре с П.С. Поливановым уверял, что важно любым путём возбудить революцию, даже если она будет поднята и не под красным знаменем⁹⁷. В следственных показаниях Михайлов писал: «Большинство народников не стало бы употреблять приёма Стефановича, пускать в ход имя царя. Но никто из них не отрицал

⁹⁰ Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сборник документов. М., 1968. С. 160, 431–433.

⁹¹ Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию А. Туна «История революционного движения в России» // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XXIV. М.: Л., 1925. С. 123.

⁹² Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 281, 295.

⁹³ Плеханов Г.В. Госпожа Брешковская и Чигиринское дело // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XII. М.; Л., 1923. С. 353.

⁹⁴ Аптекман О.В. Указ. соч. С. 385.

⁹⁵ РГИА, ф. 1351, оп 1, д. 4170, л. 51–51 об.

⁹⁶ Плеханов Г.В. Госпожа Брешковская и Чигиринское дело. С. 354.

⁹⁷ Поливанов П.С. Алексеевский равелин. Л., 1926. С. 73.

того, что он чрезвычайно умело выбрал рычаг действия и что для успеха надо опираться на настроение народа, как это делал Стефанович»⁹⁸.

При обсуждении землевольцами животрепещущих вопросов о революционной тактике «предлагались различные способы, вплоть до мистификации при помощи царского манифеста, призывающего народ к восстанию против своих врагов»⁹⁹. Зимой 1877–1878 г. Валериан Осинский на совете основного кружка «Земли и воли» поставил задачу создания «народно-революционной организации» на монархических основах. «Несмотря на явное сочувствие к нему многих членов совета», категорические возражения Плеханова и Аптекмана воспрепятствовали принятию такого решения¹⁰⁰.

Однако уже ранней весной 1878 г. в петербургском центральном кружке «подавляющее большинство» не только полностью одобряло приёмы Стефановича, но и настаивало на их применении «в своей агитации на Волге»¹⁰¹. В № 1 «Земли и воли» в программной статье, написанной С.М. Кравчинским¹⁰², выражалось вполне позитивное отношение к «чигиринскому делу», обстоятельства которого завуалировались. Автор ни единым словом не обмолвился ни о мистифицированности, ни о монархизме крестьянского тайного сообщества. Зато в статье говорилось, что «Стефанович с друзьями в чигиринской глуши создал первую в нашей революционной истории народную организацию, безусловно революционную и народно-социалистическую». Оговаривая, что «можно не соглашаться с теми принципами и приёмами, к которым, под давлением местных условий и крестьянского мирозерцания, прибегли в “чигиринском деле” социалисты», Кравчинский заявлял: «Громадное значение подобных попыток, в том, что они впервые показывают нам возможность вызвать на свет могучую, чисто мужицкую революционную организацию, исходя из местных крестьянских интересов». Соответственно, чигиринское предприятие признавалось фактом первостепенной важности, одним из «поворотных пунктов в истории русской революции»¹⁰³. Однако неудачный революционно-монархический эксперимент никогда больше не повторялся в истории революционного народничества.

Но если «авторитарный принцип», положенный Стефановичем в основу «чигиринского дела»¹⁰⁴, не получил применения у землевольцев, то авторитет самого Стефановича в их среде поднялся чрезвычайно высоко. На Воронежском съезде его заочно избрали членом организации¹⁰⁵. В июле 1879 г., возвратившись из-за границы, он сыграл роль катализатора в распаде «Земли и воли». «Стефанович, – вспоминал Н.А. Морозов, – тотчас же присоединившийся к

⁹⁸ Показания А.Д. Михайлова на следствии // *Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н.* А.Д. Михайлов. М.; Л., 1925. С. 147.

⁹⁹ *Попов М.Р.* Записки землевольца. М., 1933. С. 126.

¹⁰⁰ *Плеханов Г.В.* Госпожа Брешковская и Чигиринское дело. С. 353; *Аптекман О.В.* Указ. соч. С. 294–295.

¹⁰¹ *Плеханов Г.В.* Госпожа Брешковская и Чигиринское дело. С. 353.

¹⁰² *Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.]*. Землевольческая библиография // *Кузьмин Д.* Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 220.

¹⁰³ Земля и воля. 1878. 25 октября. № 1 // *Революционная журналистика семидесятых годов.* Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под редакцией Б. Базилевского. Париж, 1905. С. 129–130.

¹⁰⁴ *Аптекман О.В.* Указ. соч. С. 295.

¹⁰⁵ *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. Т. 2. М., 1947. С. 383; *Аптекман О.В.* Указ. соч. С. 383.

группе народников, сильно способствовал потом окончательному распадению «Земли и воли». Он был тогда очень властолюбив»¹⁰⁶.

Землевольцы, образовавшие впоследствии «Народную волю», фактически отказались от пропаганды в деревне и сосредоточились на политической борьбе и покушениях на жизнь императора. Землевольцы же, продолжавшие настаивать на агитации для подготовки крестьянского восстания (будущие чёрнопередельцы), по словам Морозова, утверждали, что «в случаях вооружённой борьбы личность царя и членов царской семьи должна быть неприкосновенна», поскольку «действия против царя, говорили они, вызвали бы взрыв фанатизма против пропагандистов новых общественных идей в крестьянстве и дали бы повод правительству прибегнуть к таким мерам, которые сделали бы совершенно невозможной жизнь в народе». По их мнению, «гораздо лучше было бы поднять народ не от имени социалистов или революционеров, неведомых ему, а от имени самого царя, как пытались сделать в Чигиринском уезде Дейч и Стефанович»¹⁰⁷.

В период кризиса «Земли и воли» Стефанович и предложил, казалось, реальное и живое дело в деревне. Он обещал возобновить революционную работу в Чигирине, но «на иных основах, чем старые». Его посулы воодушевляли не только правоверных землевольцев, но и колеблющихся, которые не знали, к какой фракции пристать¹⁰⁸. «Мы все ожили, – вспоминал Аптекман. – Раз, думали мы, за это дело возьмутся такие люди, как Стефанович и Дейч, успех обеспечен: мы обоснуемся в деревне, заложим фундамент, а молодёжь и другие живые силы, глядя на нас, пойдут за нами<...> Пусть террористы тревожат правительство сверху, а мы будем надавать снизу. Так мы мечтали»¹⁰⁹. «Колеблющийся» Попов откровенно признавался: «Не подвернись Стефанович с надеждами его на то, что в Чигирине вновь возможно будет организовать крестьянство, не прибегая к мистификациям с царскими манифестами, то, вероятно, я остался бы и продолжал мою революционную деятельность со старыми моими товарищами»¹¹⁰.

Ожесточённый конфликт между членами «Земли и воли» разгорелся после Воронежского съезда в первую очередь из-за продолжения «чигиринского дела» и закончился распадом сообщества¹¹¹. Стефанович вошёл в комиссию по разделу имущества организации¹¹² и стал одним из руководителей «Чёрного передела».

Между тем второй обещанный заговор в Чигирине оказался фикцией, никакого продолжения не было и не могло быть. Чёрнопередельцам вскоре пришлось сворачивать оставшиеся в деревнях малочисленные «поселения» и переезжать в столицу, руководители организации, в том числе и Стефанович, отбыли в эмиграцию. Придёт время и Яков Стефанович, один из самых непримиримых «бунтарей», вернувшийся в Россию после убийства Александра II и вошедший в Исполнительный Комитет «Народной воли», скажет на «Процессе

¹⁰⁶ Морозов Н.А. Указ. соч. Т. 2. С. 522.

¹⁰⁷ Там же. С. 504.

¹⁰⁸ Софья Перовская, например, заявляла Аптекману, что пристанет к «Чёрному переделу» лишь в том случае, если у них «будет работа в деревне» (Аптекман О.В. Указ. соч. С. 384).

¹⁰⁹ Аптекман О.В. Указ. соч. С. 385.

¹¹⁰ Попов М.Р. Записки землевольца. С. 198.

¹¹¹ Там же. С. 47.

¹¹² Дейч Л. Чёрный передел. Историко-революционный сборник. Т. 2. Л., 1924. С. 309; Аптекман О.В. Указ. соч. С. 382.

17-ти» в 1883 г.: «Я не верю в возможность русской народной революции в настоящем значении этого слова: только молодость, не знающая всей реальности крестьянской жизни, представляет русского мужика легко воспламеняющимся материалом... Нет, России не грозит крестьянская революция»¹¹³. Отбыв восьмилетнюю каторгу на Каре и ссылку в Якутии, Стефанович поселился в 1905 г. в Черниговской губернии. Политической деятельностью вплоть до смерти в 1915 г. он уже не занимался.

Историки, как и участники событий, отнюдь не были единодушны в своей оценке заговора в Чигиринском уезде. Дореволюционные исследователи весьма критически отнеслись к «чигиринщине». Первый по времени историк революционного народничества, профессор Базельского университета А. Тун, в книге, написанной ещё в 1883 г., осуждал действия Стефановича как несостоятельную мистификацию. «Только благодаря авторитету царя, – писал немецкий учёный, – он мог создать тайный союз среди крестьян, агенту социалистического комитета это, наверное, не удалось бы». «Мистификация “царского комиссара” привела в ярость крестьян, – отмечал Тун. – Особенно возмущала их присяга, которую он заставил их принести, и клятвопреступление, которое совершил он сам»¹¹⁴.

В.Я. Богучарский не скрывал своего неприятия «чигиринского заговора», «составляющего одну из самых тёмных страниц русского освободительного движения»¹¹⁵. Он полагал, что обман обернулся во зло самим революционером: «Достоверно известно, что некоторые из сосланных крестьян питали самые враждебные чувства к инициаторам тайной дружины»¹¹⁶. Схожего мнения придерживались и либеральные историки общественного движения. Широкое крестьянское движение в пореформенный период, полагал Л. Барриве, могло возникнуть только «в исключительных случаях при наличии острого недовольства, или же для этого приходилось пользоваться подложными царскими манифестами, прибегать ко лжи и обману, <...> хотя “чигиринское дело” и произвело огромное впечатление»¹¹⁷. А.А. Корнилов констатировал, что «взбунтовать чигиринских крестьян удалось лишь действуя от имени царя при помощи подложных грамот, и “чигиринское дело”, несмотря на временный внешний успех, в остальных революционных кружках, хотя и породило много волнений и споров, но, в конце концов, вызвало отрицательное к себе отношение»¹¹⁸. Такое же суждение высказал Б.Б. Глинский¹¹⁹.

Участник народнического и эсеровского движения Е.А. Серебряков в очерке о «Земле и воле» констатировал несоответствие средств и целей революционеров в Чигиринском предприятии, которое «было в полном противоречии, как с самими принципами революционного социализма, так и с ближайшими целями партии». Вместе с тем он верно подметил, что «подлог мог иметь значение лишь один раз, пока не открыт, повторение же всегда неудачно»¹²⁰.

¹¹³ Речи подсудимых по «Процессу 17-ти». Гектографированное издание. СПб., 1883. С. 4.

¹¹⁴ Тун А. История революционных движений в России. Пг., 1920. С. 137.

¹¹⁵ Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. С. 253.

¹¹⁶ Там же. С. 257.

¹¹⁷ Барриве Л. Освободительное движение в царствование Александра Второго. Исторический очерк. М., 1909. С. 142.

¹¹⁸ Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). Исторические очерки. М., 1906. С. 218.

¹¹⁹ Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.): Исторические очерки. Ч. II. СПб., 1913. С. 120–123.

¹²⁰ Серебряков Е.А. Очерк по истории «Земли и Воли». СПб., 1906. С. 21.

Историки советского времени предпочитали не касаться чигиринских перипетий и тем более избегали их порицания, так как критика революционной деятельности могла оказаться небезопасной для них самих. М.Н. Покровский, первый историк-марксист нашего отечества, в четырёхтомной «Русской истории» дал краткое изложение чигиринской истории, закончив его словами о том, что «единственная попытка массового движения, которую удалось вызвать революционерам-народникам 70-х годов, кончилась хуже чем простой неудачей»¹²¹. Что может быть хуже неудачи, он не объяснял. В другом месте Покровский сетовал на то, что крестьяне в Чигирине были чужды социализма¹²².

В «хрущёвскую оттепель», когда значительно расширился диапазон исторических исследований, к чигиринской тематике обратились украинские учёные. Д.П. Пойда принадлежит, пожалуй, лучшая монография, посвящённая протестному крестьянскому движению на Правобережной Украине во второй половине XIX в., в том числе и в Чигиринском уезде. Но, верный идеологемам своего времени, он, оговаривая в выводах «в какой-то степени незрелость многих представителей народнического движения», утверждал, что чигиринские события «объективно имели огромное воспитательное значение, способствуя росту политического сознания крестьянства»¹²³. Этим суждениям Пойды вторили М.П. Рудько, писавший о «позитивном влиянии» революционных народников на селян¹²⁴, и М.Н. Лещенко, также полагававший, что «чигиринщина» «способствовала дальнейшему революционному воспитанию русского народа»¹²⁵.

Между тем чигиринские мужики считали себя верными государевыми слугами, а в «Тайной дружине» видели единение народа с царём. Ни в коей мере они не помышляли о революционной борьбе с самодержавием. В этом вопросе скорее верны наблюдения историка-публициста Т.А. Богданович, сделанные ещё на заре советской власти: «Крестьяне долго не хотели верить, что всё затеянное Стефановичем дело было мистификацией, они видели в аресте происки враждебных им чиновников и ожидали, что царь прикажет, в конце концов, освободить их. Зато, когда они, наконец, поняли, что были введены в обман, они почувствовали величайшую ненависть к Стефановичу, и, таким образом, его предприятие не только не удалось, но дало самый определённый результат, внушив крестьянам той местности чрезвычайное недоверие к господам, явившимся к ним якобы с желанием им блага. Они ещё более утвердились в убеждении, что господа могут быть только врагами народа, какие бы хорошие слова они ни говорили»¹²⁶.

Ленинградский учёный Ш.М. Левин осторожно писал о «готовности части народников к использованию опасных и принципиально недопустимых приёмов»¹²⁷ и о том, что «Стефанович решил построить своё предприятие на наивной вере крестьян»¹²⁸, избегая упоминать о монархизме крестьян, ставшем

¹²¹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времён. Т. IV. М., 1934. С. 166.

¹²² Там же. С. 151.

¹²³ Пойда Д.П. Указ. соч.

¹²⁴ Рудько М.П. Указ. соч. С. 135.

¹²⁵ Лещенко М.Н. Указ. соч. С. 197–198. Едва ли не последней работой, в которой «чигиринский заговор» оценивался подобным образом, была книга И.Л. Кислицыной «Бакунизм на юге России. 70-е годы XIX века» (Владивосток, 1992).

¹²⁶ Богданович Т.А. «Хождение в народ». Пг., [1919]. С. 49.

¹²⁷ Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е гг. XIX в. М., 1958. С. 388.

¹²⁸ Там же. 390.

непреодолимым препятствием для революционеров. По мнению В.А. Твардовской, «чигиринское дело» показало бесперспективность революционной пропаганды в деревне и выдвинуло на повестку дня политическую борьбу за демократические свободы¹²⁹.

В перестроечные времена Н.М. Пирумова, анализируя взгляды Бакунина, коснулась и «чигиринской попытки». Ссылаясь на Дебагория-Мокриевича, она признала «отсутствие в среде крестьян почвы для непосредственной революционной деятельности» и пришла к выводу, что в создавшихся исторических условиях в народе было возможно «только авторитарное движение»¹³⁰.

Уже в начале XXI в. Н.А. Троицкий, последний адепт концепций советской историографии, в книге, посвящённой всему российскому революционному народничеству, уделил несколько страниц и «чигиринскому заговору». Указав на характерное для его участников противоречие между «непоколебимой верой в революционность крестьянских масс», которую они «не осязали», и готовностью «эксплуатировать существующее крестьянское мировоззрение, наивную веру крестьян в царя», историк всё же подвёл общий позитивный итог: «К чести народников, они в большинстве своём отвергли “чигиринщину”, как в своё время “нечаевщину”, и сохранили нравственную основу русского освободительного движения»¹³¹.

Исторический опыт «Чигиринского заговора» уникален: участникам «хождения в народ» на протяжении всей своей деятельности нигде не удалось организовать ни одного антиправительственного крестьянского сообщества или хотя бы местного деревенского выступления. Единственный прецедент был создан на Чигиринщине, где из-за безвыходности революционные идеи пришлось подменить монархическими. При этом, апеллируя к царю для побуждения крестьян к восстанию, южные «бунтари» выступали на деле против собственных теорий социалистической революционности крестьянства и укрепляли его царистские иллюзии.

В заговоре, сшитом Я.В. Стефановичем белыми нитками, наглядно проявился монархизм и религиозность, а не революционизм и социалистичность пореформенной деревни. «Бунтари» фактически предприняли ревизию утопических догм Бакунина такими же утопическими средствами в полной уверенности, что они способны своими силами преодолеть менталитет крестьянства и социально-экономическое состояние пореформенной деревни.

Итоги царистского самозванства революционеров оказались плачевными без шансов на иное. Крестьянское восстание, даже с хоругвями и царскими штандартами, обрекалось на подавление силами империи. Это прекрасно осознавали те южные «бунтари», кто устранился от «чигиринского дела». Впрочем, не исключено, что Стефанович видел свою задачу именно в том, чтобы создать прецедент, «живой пример» массового бунта для научения других. Тогда он добился своего, но пример оказался негативным.

¹²⁹ Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969. С. 36–37.

¹³⁰ Пирумова Н.Н. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990. С. 251.

¹³¹ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 203.